

Н.Н. ЗАРУБИНА

Взаимное уважение как фактор институционализации социальных отношений в современной России*

В статье анализируются отношения взаимного уважения как качество повседневной жизни. На основе дискурс-анализа выделяются два типа уважения, раскрываются их социальные функции, исторические трансформации и особенности проявления в современной России. Исследуются причины дефицита взаимного уважения в повседневной жизни россиян и его влияние на развитие социальных связей и институтов современного общества.

Ключевые слова: социальные отношения, взаимное уважение, повседневность, социальные трансформации.

The author analyzes the mutual respect relationships as the quality of everyday life. On the basis of the discourse analysis there are identified two types of respect, revealed their social functions and features of historical transformations and manifestations in modern Russia. There are analyzed the reasons of the shortage of mutual respect in everyday life in Russia and its impact on the social relations and institutions of the modern society.

Keywords: social relations, mutual respect, everyday life, the social transformations.

Социологические опросы последних лет свидетельствуют об ухудшении социального самочувствия россиян, которые ощущают и тяжело переживают деградацию морального климата в обществе: «Падение морали расценивается сегодня населением как одна из самых больших потерь, которые понесло российское общество за годы реформ. В “рейтинге потерь” эта позиция занимает второе-третье место, ее отметили 32% респондентов».

Ощущения взаимного отчуждения людей, роста безразличия и агрессии сопровождают повседневную жизнь россиян, в первую очередь в крупных городах, но проникают уже и в малые города и на село, где отмечается сокращение взаимной поддержки и солидарности [Двадцать... 2011, с. 215, 61–62]. Социологи уже достаточно давно опровергли стереотипные представления о российском и русском коллективизме, любви к “артельному”, “соборному” образу жизни. В конце 1990-х гг. Г. Дилигенский писал об “адапционном индивидуализме” постсталинского советского общества, сочетавшемся с пассивностью и конформизмом, низкой способностью к самоограничению во имя групповых интересов [Дилигенский, 1997, с. 277]. Исследователи последних лет отмечают рост индивидуализма в контрпродуктивных формах эгоизма и замкну-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 12-06-00112-а).

тости, приоритета личных и семейных интересов перед общественными [Готово ли... 2010, с. 148].

Представляется, что рост индивидуализма и все более очевидное его проявление в повседневной жизни связан с ускоренным переходом России к рыночному типу экономики, закономерно сопровождающемуся доминированием безличных, формальных отношений. Западная Европа переживала эти процессы существенно раньше, и им сопутствовало постепенное формирование социальных институтов, обеспечивающих стабильную основу для взаимодействий лично не связанных, деперсонифицированных индивидов в контекстах рынка, гражданского общества, правового государства и других социальных институтов, основанных на “дальних” безличных связях. Формирование институтов требует, по определению Т. Парсонса, *универсализма* в противоположность *партикуляризму*, то есть одинакового отношения ко всем индивидам и социальным группам, независимо от собственной принадлежности и близости к ним. Лишь на такой основе возможны комфортные повседневные отношения между людьми, объединенными исключительно формальной принадлежностью к самоорганизованному сообществу.

Можно предположить, что важнейшей причиной дискомфорта повседневной жизни в современной России остается глубокая укорененность партикуляризма. Это проявляется в распространении личных, пристрастных отношений там, где должны доминировать деперсонифицированные и эгалитарные, и, соответственно, – в противопоставлении “себя” и своих интересов, взглядов, ценностей, признаваемых условно легитимными, “другим” как носителями нелегитимных целей и интересов.

Одно из последствий включения партикулярных отношений в деперсонифицированные универсальные взаимодействия – дефицит *взаимного уважения*, на который нередко жалуются россияне: “Сейчас в России никого не почитают: ни учителя, ни врача, ни старого. Все превратились в монстров” [Психологи...]. О том же свидетельствуют и социологические опросы. Как отмечают авторы аналитического доклада “О чем мечтают россияне”, 73% респондентов считают, что за последние 15–20 лет ослабло уважение к старшим, 67% указывают на падение уважения к женщинам [О чем... 2013, с. 51]. В 2012 г. в Интернете вызвал волну откликов материал польского журналиста, живущего в Москве, колумниста “Gazeta Wyborcza” В. Радзивиновича, в котором он выражает удивление и возмущение взаимным неуважением россиян к частному пространству друг друга – обыкновением толкаться, останавливаться в узких проходах, бросать машину в неположенных местах – и отмечает, что в других странах подобное поведение представляет собой “повод для драки”, а в России стало обыденностью.

Проявления повседневного неуважения людей друг к другу многочисленны и разнообразны – от выброшенного в подъезде мусора, припаркованного на остановке общественного транспорта автомобиля, торговли просроченными продуктами, до бесцеремонного разрушения привычной повседневной среды горожан “точечной” застройкой, закрытием школ или детских садов, вырубкой скверов. Все эти действия исходят из явного или латентного убеждения, что с интересами, чувствами, мнениями и даже безопасностью других людей можно не считаться, поскольку они не заслуживают внимания, затраты усилий и времени. Дефицит взаимного уважения на микроуровне повседневных взаимодействий влияет на макроуровень формирования институтов современного общества, поскольку затрудняет установление “дальних”, деперсонифицированных, безличных социальных связей.

При всей значимости проблемы взаимного уважения в социальных взаимодействиях она пока не стала предметом специального рассмотрения социологов, хотя они нередко задают вопросы о том, кого россияне уважают из политиков, журналистов, профессионалов. Данное исследование направлено на хотя бы частичное восполнение этого пробела.

Социологические подходы к исследованию проблемы взаимного уважения

Согласно “Толковому словарю русского языка” С. Ожегова и Н. Шведовой, уважение – это “почтительное отношение, основанное на признании чьих-либо достоинств”. Однако есть еще одно повседневное значение, выражаемое через общепринятые формулы вежливости вроде “уважаемые пассажиры”, “уважаемые покупатели”. Оно предполагает *ценность и достоинство человека вообще*, не только как носителя каких-то особых заслуг и достижений, а как самодостаточной личности и равноправного члена общества, чьи интересы для нее не менее значимы, чем свои собственные. В повседневной жизни современного общества, основанного на формальных и безличных “дальних” связях, уважение становится проявлением универсализма, предполагающим отношение к другим людям, о достоинствах которых нам ничего не известно, *как минимум, как к равным себе*. Неуважение, напротив, исходит из того, что другой заведомо “ниже”, и это позволяет пренебречь его интересами.

Классики социологии уделяли мало внимания проблематике взаимного уважения в социальных связях, хотя исследовали категории, имеющие к нему косвенное отношение: престиж, авторитет, символический капитал, *доверие*. Большое значение уважению придает Н. Луман, именно через него определяющий важнейшие механизмы социальной регуляции: мораль он трактует как “обозначение условий, при которых индивиды могут либо не могут уважать себя и других”. По мнению немецкого социолога, “под уважением следует понимать генерализированное признание и почтение, которым вознаграждается то, что другой соответствует ожиданиям” [Луман, 2007, с. 126, 312]. Взаимные ожидания возникают в случае установления устойчивых, повторяющихся и продолжающихся социальных отношений. Таким образом, уважение – непереносимое условие поддержания стабильности, воспроизводства общественной жизни, а неуважение – проявлением разлада и конфликта.

Важная особенность уважения, по Луману, – отнесение его к “цельной” личности, в отличие от оценки отдельных заслуг в конкретных профессиональных или других специализированных областях [Луман, 2007, с. 312]. Эта позиция Лумана перекликается с пониманием уважения у Э. Фромма, который определил его как “способность видеть человека таким, каков он есть, в своей индивидуальности и неповторимости”. Оно представляет собой антитезу страха и благоговения, без уважения “любовь выродается в господство над человеком и обладание им как вещью” [Фромм, 2004, с. 250]. Фромм отмечает: *уважение, наряду с заботой, ответственностью и знанием* – основной элемент плодотворной любви как главного свойства плодотворного социального характера.

Превращение взаимного уважения в предмет социологического исследования делает возможным “культурологический поворот”, который, по мнению польского ученого П. Штомпки, произошел в современной социологии. Этот поворот ознаменовал переход от преобладания “твердого” инструментального видения общественных отношений, опирающегося на анализ инструментальной рациональности, обмена, к “мягкому” подходу к *обществу как пространству моральных связей*. Такой подход концентрируется на исследовании *способов поведения людей по отношению друг к другу*, фиксируя внимание ученых на многомерных и сложных межличностных отношениях “мягкого” типа, связывающих *доверие, лояльность, солидарность* между людьми в своеобразное “моральное пространство”, в котором располагается каждая личность [Штомпка, 2012, с. 44–45]. Уважение также упоминается в рассуждениях Штомпки в качестве одного из таких “мягких” отношений, например нравственного компонента формальных и инструментальных реляций – договоров о трудовом найме, торговых сделок, однако предметом специального рассмотрения оно пока не стало.

Представляется, что важной теоретической предпосылкой “культурологического поворота” в современной социологии стали набирающая популярность исследования социальных сетей. Первые теории социальных сетей формировались в середине XX в.

на основе представлений о рациональном обмене как основе сетевых взаимодействий (психологи Б. Скиннер и Дж. Хоманс, социологи П. Блау, Р. Эмерсон, Дж. Коулмен, позднее основатель “новой экономической социологии” М. Грановеттер и др.) [Кравченко, 2010]. Эти теории предположили “твердые” математические методы анализа структур взаимодействий социальных акторов. Современные исследования социальных сетей в “реляционной теории” и теории “актор-сеть” все больше переносят акцент на *характер* взаимодействий, их контексты и смыслы. В этих новых подходах к исследованиям сетей “отношение культуры и структуры не является отношением двух автономных сущностей. Скорее, культура и структура, язык и отношения связей (*relational ties*) смешаны в социокультурном окружении” [Мальцева, Романовский, 2011, с. 33]. Такие исследования ориентируются на “мягкие” качественные методы и придают принципиальное значение формирующимся в сетях дискурсам, фиксируют внимание на производстве смыслов как производстве связей в различных контекстах и на производстве акторов посредством наделения их различными смыслами [Мальцева, Романовский, 2011, с. 34–35].

Сегодня общепризнано, что доверие – одно из базовых отношений, определяющих связи в социальных сетях. На мой взгляд, аналогичное значение имеет и уважение как смысл, формирующийся в коммуникационном контексте и конструирующий актора в конкретных связях. Например, экономическая социология уделяет серьезное внимание исследованию не только доверия в деловых сетях, но также и близкого по смыслу к уважению *авторитета* и *деловой репутации* их участников, обладание которыми обуславливает особый характер как акторов, так и связей между ними.

Как определить уважение в качестве доступного социологическому анализу “мягкого” качества социальных отношений? На основе дискурс-анализа можно выделить два наиболее распространенных в современной российской культуре смысла, вкладываемых в понятие уважения, и на их основе описать два его типа. Во-первых, общепринято приведенное выше толкование, основанное на *меритократическом* понимании уважения как особого отношения *почтения* в ответ на *достоинства и заслуги* (“Уважение – чувство избирательное по отношению к объекту... Уважение нужно заслужить”, – отмечают участники дискуссии в Интернете). Во-вторых, *эгалитарное* понимание уважения, основанное на признании за другим *равного с собой* достоинства и ценности (“Уважать априори нужно всех, кроме тех, кто своими поступками или высказываниями доказал, что уважения не достоин”, – возражают оппоненты в той же дискуссии) [Психологи...].

Первое, *меритократическое*, понимание уважения основывается на представлении о том, что его заслуживают достойные индивиды и социальные группы, почитаемые всеми членами сообщества или отражающие в своих действиях ожидания общества, общепризнанные представления о благе и пользе. Наличие в обществе уважаемых людей свидетельствует о его здоровье: значит, здесь есть консенсус относительно наиболее ценных, значимых и вызывающих почтение достоинств и деяний, а также их носителей. Напротив, отсутствие или малочисленность уважаемых всеми людей, большой разброс мнений о том, кого можно и должно уважать, говорит о состоянии аномии, об отсутствии согласия относительно базовых ценностей общества, олицетворяемых уважаемыми людьми.

В традиционных иерархических обществах высокая социальная позиция сама по себе *a priori* становится предпосылкой для уважения со стороны других – особенно нижестоящих, а также и равных по статусу, *независимо от реальных заслуг*. Уважение к вышестоящим социальным статусам – сословиям, рангам, чинам и т.д. – залог незыблемости существующего порядка вещей, воспроизводства социальной системы. В своде правил поведения времен Петра I “Юности честное зерцало” (XVIII в.) настоятельно рекомендуется: “Должны молодые отроки всегда начальствующих своих как при дворе, так и вне двора, в великом почтении и чести содержать, так, как сами себе хотят быть превознесенными после долгой службы” [Домострой... 2008, с. 160].

Глубоко традиционный термин “чинопочитание”, в современной интерпретации приобретший отрицательный смысл, в традиционных обществах имел ярко выраженное функциональное социокультурное значение: признание несомненных априорных достоинств за вышестоящими социальными статусами обеспечивало стабильность и преемственность социальной структуры общества и его культурных ценностей. В то же время такое уважение предполагало и определенные обязательства со стороны его объекта: его заслуживает тот, кто *соответствует* своему статусу и исполняет все приличествующие ему роли. Даже представители низших сословий могут претендовать на уважение, если добросовестно выполняют свои обязанности.

В эгалитарных по своей природе сложных современных обществах меритократический тип уважения приобретает особое значение, поскольку здесь высокий формальный статус сам по себе еще не гарантирует его: необходимы реальные заслуги, оцениваемые по актуальной в данный момент шкале ценностей. Так, политика уважают за деятельность, а не за место в парламенте, ученого – не за степень и звание как таковые, а за научные достижения. При этом меритократическое уважение не постоянно, оно зависит не столько от объективной ценности деяний и заслуг, сколько от того смысла и значения, которое им придает конкретное сообщество людей в данный момент. Как мы далее увидим на примере современной России, уважение к достоинствам личности, к социальным ролям и т.п., величина переменная. В кризисные, нестабильные периоды жизни общества, в условиях аномии и отсутствия единой системы ценностей для различных социальных групп складываются собственные представления об уважаемых людях, которые могут не разделяться другими группами.

Уже в традиционных обществах существовали и иные представления об уважении, обусловленные не статусными и меритократическими критериями, а *эгалитаристскими идеями*, проповедуемыми христианством и другими мировыми религиями. Так, памятник русской нравственной литературы средневековья “Домострой” о. Сильвестра (XVI в.) как свод наставлений повседневного благочестия настаивает не только на уважении к старшим и вышестоящим, но и на необходимости уважать *всех людей*, ибо они – подобие Божье, и подкрепляет уважение достойным обращением: “Люби Бога и людей уважай: утешь обиженного, будь стоек в невзгодах, будь щедр и милостив ко всякому просящему, привечай нищего и странника” [Домострой... 2008, с. 39].

Здесь можно проследить истоки второго типа уважения, который мы определяем как *эгалитарный*, основанный на представлении о том, что все люди достойны уважения, если каким-то образом не поставили себя вне социальных норм. Наибольшее распространение такое понимание уважения получает в эпоху становления общества модерна. В XVII–XVIII вв. в западноевропейской культуре становится популярной философия “естественного права” и “естественного равенства” людей, продолжающая на светской основе развивать идеи христианского эгалитаризма. В эпоху Просвещения она получает воплощение в триаде “Свобода, Равенство, Братство”, утверждающей культуру буржуазного эгалитаризма, где каждый обладает правом на уважение, поскольку *равен* другим. Так уважение к человеку как личности, независимо от социального статуса и реальных заслуг, становится *нормой повседневной жизни* общества модерна, на которой основываются не только формально-правовые, но и нравственные принципы регуляции социальных отношений. Повседневное поведение во всех сферах социальной деятельности предполагает уважение достоинства, прав, интересов, чувств других людей.

Вследствие неоспоримой универсальности уважение эгалитарного типа приобретает формальный характер, что позволяет отождествлять его с простой *формулой вежливости*, с правилами “хорошего тона”, с “этикетной рамкой”, предписывающей начинать и заканчивать любое деловое послание заверениями об “уважении” или “глубоком уважении”. Становясь формальностью, уважение оказывается необходимой предпосылкой установления “дальних”, или, как их еще принято называть, “слабых”, социальных связей и отношений в современном универсалистском обществе, институты которого предполагают необходимость стабильно взаимодействовать не

только с людьми, объединенными близкими связями (родством, соседством, дружбой, совместной работой и т.д.), но и с совершенно незнакомыми, случайными контрагентами в экономической, общественной, коммуникативной и иной деятельности. Предприниматель, журналист, управленец, общественный деятель и т.д., обращаясь к массовой, а значит, не персонифицированной, аудитории, эффективнее достигнет цели, установит более стабильные связи, если будет относиться к своей аудитории с уважением и, в свою очередь, заслужит уважение с ее стороны. Укрепляя деперсонифицированные связи, взаимное уважение членов общества на макроуровне способствует формированию устойчивых социальных институтов. Совместная жизнь людей в больших городах ориентирована именно на институциональную регуляцию, а не на близкие личные отношения. Поэтому и уважение к личности даже незнакомого человека, с которым приходится вступать в кратковременное взаимодействие, становится залогом стабильности социальной среды.

Социальные функции описанных типов уважения различны: эгалитарное уважение образует основу стабильности “дальних” социальных отношений и связей формального характера, обеспечивает устойчивость повседневной жизни массового общества и социальных институтов, предполагающих дальние формальные связи (право, рынок, государственное управление и т.д.). Меритократическое уважение закрепляет неравномерное распределение символического капитала и фиксирует консенсус по поводу системы ценностей через общепринятые представления о наиболее уважаемых качествах личности, а также олицетворяющих их персонах, профессиях, социальных ролях.

Взаимное уважение как социокультурный фактор стабилизации повседневных взаимодействий

Социологические опросы свидетельствуют, что ценности россиян постепенно меняются и достаточно существенно различаются в зависимости от возраста, уровня достатка и жизненного опыта. По данным опроса, проведенного ВЦИОМ в августе 2007 г. в 153 населенных пунктах 46 областей, краев и республик России, в котором приняли участие 1600 человек, наибольшим уважением у россиян в тот момент пользовались такие качества, как “порядочность, жизнь по совести, а не ради выгоды и удовольствий” (57% опрошенных). На втором месте – качества хорошего семьянина (45–46%), и несколько отстают от них (34–37%) “профессионализм и мастерство в своем деле” (<http://top.rbc.ru/society/02/10/2007/121127.shtml>). Качества, характеризующие “преуспевающего” человека – предприимчивость, высокий достаток, связи и влияние, в целом по выборке не выходили на первые места, то есть для большинства россиян в 2007 г. они не были самостоятельным основанием для уважения их ярко выраженных носителей.

Эти выводы подтверждаются и данными опросов, предметом которых стало уважение к представителям различных профессий. По данным опроса “Левада-Центра”, проведенного в 2012 г. среди 1601 человека в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны, более всего россияне испытывают уважение к врачам (55%) и учителям (48%), 44% опрошенных в числе наиболее уважаемых назвали крестьян и ученых [Общественное... 2012, с. 64]. Данные других исследований, если и расходятся с результатами “Левада-Центра”, то лишь в цифрах, но не по существу. Опрос, проведенный примерно в то же время Исследовательским центром рекрутингового портала *Superjob*, показал, что наибольшим уважением среди респондентов пользуются врачи (29%) и учителя и воспитатели (13%). Другие профессии существенно отстали по набранным процентам: по 2–3% набрали, в частности, военные, спасатели, рабочие, ученые. При этом характерны комментарии, оставленные респондентами: “Уважаю обычных работников, которые вкалывают за копейки!”; “Уважаю производителей, а не перекупщиков” (<http://www.russedina.ru/articul.php?aid=25614>).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что уважением в сегодняшней России по-прежнему пользуются люди, деятельность которых приносит пользу обществу и не имеет ярко выраженного эгоистического характера. Обусловленность уважения позитивным вкладом в общественную жизнь подтверждает и опрос относительно уважения к профессии журналиста, проведенный Фондом “Общественное мнение” в 2001 и 2012 г. Сокращение за этот период количества респондентов, уверенных в том, что журналисты пользуются уважением в обществе (с 53% в 2001 г. до 45% в 2012 г.), соответствует росту числа опрошенных, считающих, что журналисты *не оказывают* серьезного влияния на жизнь страны (с 16% в 2001 г. до 26% в 2012 г.). Уменьшилось и число полагающих, что их влияние на общество *положительно* (с 49% в 2001 г. до 41% в 2012 г.) (<http://fom.ru/SMI-i-internet/10526>).

Однако в тех же опросах можно найти и свидетельства постепенных трансформаций ценностей предпочтений россиян, соответствующих модернизации общества, росту индивидуализма, этики достижений и успеха. По данным ВЦИОМ, россияне стали с большим уважением относиться к высокому достатку (15% в 2007 г. против 11% в 1997 г.), а “скромных тружеников, не стремящихся к почестям”, теперь уважают существенно меньше (лишь 9% в 2007 г. против 22% в 1997 г.). Особенно ярко выражены трансформации представлений об уважаемых качествах в тех отличиях предпочтений, которые были выявлены между поколениями и между бедными и богатыми¹. Среди молодежи и у состоятельных россиян выделяются новые приоритеты, подтверждающие возвышение качеств, связанных с успехом и благополучием, умением устроиться в жизни. По данным того же опроса ВЦИОМ, молодежь больше старшего поколения уважает в людях профессионализм (45 и 28%), умение устроить свою жизнь (41 и 12%), влияние в обществе (12 и 4%). При этом высокий достаток вызывает у молодежи большее уважение, чем по общей выборке, – 24 против 15%, а у старшего, более “традиционного” поколения – меньше (8%). Обеспеченные россияне больше малообеспеченных уважают те качества, которые помогают добиваться успеха и процветания: предприимчивость (35 против 17%), профессионализм (43 против 31%), связи и влияние в обществе (12 и 6%). Сам по себе высокий достаток признают основанием для уважения 18% обеспеченных и лишь 10% малообеспеченных респондентов [ВЦИОМ...].

О существенных сдвигах, произошедших в российской культуре и отразившихся в предпочтении уважаемых качеств личности, говорят интересные данные, полученные исследовательской компанией Profi Online Research, которая в 2007 г. провела интернет-опрос для журнала “Forbes” среди 2 тыс. респондентов. Им было предложено из первой сотни самых богатых россиян (по версии “Forbes”) выбрать тех, которые “вызывают у них наибольшее уважение”. На основании ответов был составлен список 10 самых уважаемых олигархов, и затем респондентов попросили из списка, содержащего 18 положительных качеств, выбрать наиболее присущие, на их взгляд, каждому из бизнесменов. Таким образом, можно было не только узнать, кого же из олигархов уважают в России, но и понять, за что именно. В статье об итогах исследования подчеркивается, что важнейшим качеством, за которое люди уважают олигархов, является деловая хватка. Так, занявшего первое место в рейтинге “уважаемых олигархов” Р. Абрамовича (27,1% голосов) уважают за интуицию, предусмотрительность, способность обходить конкурентов, деловую хватку и умение выстраивать эффективный бизнес, а занявшего второе место М. Прохорова (23,8%) считают эффективным управленцем и сторонником инноваций. При этом такие качества, как чистота репутации, честность и скромность отнюдь не считаются необходимыми для того, чтобы уважать делового человека. Как замечают авторы статьи, они встречаются тем чаще, чем ниже располагается бизнесмен в рейтинге [Profi Online Research...].

Показательно, что альтруизм и социальная ответственность, а тем более “служение обществу”, сегодня не выделяются как основание для уважительного отношения

¹ К молодежи относятся респонденты от 18 до 24 лет, обеспеченных и малообеспеченных выделяют на основе вопросов, выявляющих социальную самооценку.

к деловому человеку. Если для уважения всех прочих профессий, как мы видели, пока приложимы критерии пользы для общества и служения людям, то крупный бизнес оценивается, с точки зрения иных ценностных стандартов – успеха и эффективности.

Таким образом, среди россиян растет уважение к качествам личности, способствующим успеху, карьерному росту и высокому материальному достатку, но эти сдвиги затрагивают, главным образом, наиболее “модернизированные” группы населения – молодых и добившихся успеха. В целом же сохраняется приверженность россиян традиционным основаниям для уважения – порядочности, жизни “по совести” и т.д. Подводя итог, можно сказать, что в современной России общепринятые представления о наборе качеств личности и социальных ролях, достойных уважения, претерпевают постепенные трансформации: среди наиболее “модернизированных” групп населения выше оцениваются качества, связанные с достижением жизненного успеха и благосостояния, но утрачивается почтение к скромности и альтруизму.

При этом следует учитывать, что растущие индивидуализм и этика успеха в современной России несут, по преимуществу, пассивный характер, ориентированы не столько на творческую активность, гражданское участие и самореализацию, сколько на удовлетворение эгоистических ожиданий, стремление обособиться в узком мире ближайшего окружения, то есть на легитимность исключительно собственных интересов в противоположность коллективным, общественным и т.д. [Готово ли... 2010, с. 54]. Неуверенность в достигнутом положении, неверие в себя, свою состоятельность нередко заставляют человека утверждать собственное достоинство путем демонстративного неуважения к окружающим, в которых он видит скорее помеху или угрозу, конкурентов или противников, нежели равные себе по достоинству личности. Здесь уместно вспомнить замечание Фромма о том, что причины эгоизма как крайнего проявления индивидуализма «в недостаточности уважения к себе и любви к своему истинному “я”, то есть к конкретному человеческому существу в целом, со всеми его возможностями» [Фромм, 2004, с. 87].

В процессе трансформации системы ценностей россияне недооценивают значимость взаимного уважения и толерантности для выстраивания повседневных межличностных отношений. К сожалению, эти качества пока не имеют большой инструментальной ценности, не являются принципиально значимыми для достижения жизненного успеха, а значит, не воспринимаются как необходимые. В представленном в 2007 г. Аналитическом докладе “Российская идентичность в социологическом измерении”, подготовленном учеными Института социологии РАН совместно с российским представительством Фонда им. Ф. Эберта, отмечается, что 64% опрошенных считают важным воспитать в своих детях “толерантность и уважение к другим людям”. Однако по этому показателю Россия заметно отстает от стран с укорененной демократической традицией и развитыми институтами гражданского общества – Швеции (92,3%), Великобритании (83%), США (79,8%). В этих странах толерантность и уважительное отношение к людям большинство называют в числе двух основных качеств, которые необходимо воспитывать в детях. В России же они оказались на четвертом месте рейтинга, уступив трудолюбию, ответственности, решительности и настойчивости, то есть качествам, способствующим достижению жизненного успеха [Российская... 2007, с. 91].

Ряд глубинных интервью, проведенных мной с жителями Москвы², показал, что большинство представителей разных возрастных и социальных групп горожан сталкиваются с проявлениями взаимного неуважения, в первую очередь **в повседневной жизни**, в рутинных ситуациях взаимодействий в общественных местах, в транспорте, в дорожном движении. Как отметил один из собеседников, в повседневных контактах *“чувствуешь себя не личностью, а какой-то единицей”*. Аналогичная проблема взаимного неуважения часто возникает и в Интернете, где пользователи под прикрытием анонимности нередко прибегают не только к неуважительному, но и даже заведомо

² Здесь и далее приводятся ответы из этих интервью.

оскорбительному стилю общения. Здесь получает распространение **троллинг** как особый вид виртуальной коммуникации, ориентированной на разжигание конфликтов и взаимного недоверия в сетевых сообществах путем применения заведомо неуважительной, издевательской и оскорбительной стилистики [Внебрачных, 2012, с. 48–51].

Таким образом, отсутствие эгалитарного уважения негативно влияет на взаимодействия с лично не знакомыми, чужими людьми в **ситуациях самоорганизации**, когда индивиды самостоятельно определяют контексты, смыслы и правила взаимодействий. Поэтому дискомфортными оказываются, например, ситуации дорожного движения, формально регулируемые универсальными правилами, но в реальности определяемые смыслами, которыми сами агенты наделяют друг друга и конкретные интеракционные контексты. Если “нельзя, но очень хочется”, то оказывается возможным любое нарушение правил для не уважающих окружающих и не считающихся с ними. Так взаимное неуважение приводит к дестабилизации и хаотизации взаимодействий между незнакомыми людьми.

Но там, где недействительны формальные методы регуляции, начинают активно выработываться неформальные, и невозможность урегулирования “дальних” связей компенсируется установлением “ближних”, то есть партикуляризм в его наиболее архаичных и деструктивных проявлениях приходит на смену универсализму. Формальные отношения заменяются неформальными, реализуемыми, например, в неформальных объединениях горожан для совместной борьбы с разрушителями. Так, в последние годы широкую известность получило движение “Стопхам”, борющееся с разрушителями правил парковки радикальными и нередко незаконными методами. Объединение автолюбителей “Общество синих ведерок” взяло на себя противодействие чиновникам и другим высокопоставленным лицам, злоупотребляющим использованием “мигалок” (проблесковых маячков) на загруженных улицах Москвы и других мегаполисов. Их протестные действия под лозунгом “Я тоже спешу” уже неоднократно выливались в значимые акции гражданского неповиновения. Все это делает повседневные взаимодействия россиян некомфортными, нестабильными и даже опасными. В урегулирование конфликтных ситуаций повсеместно включаются силовые методы или угрозы их применения. Например, взаимное неуважение водителей на городских улицах приводит к росту не только аварий, но и конфликтов, которые решаются не специально для этого созданными государственными органами, а самими участниками, причем нередко силовыми методами.

Еще одна важнейшая сфера, в которой большинство респондентов наиболее остро ощущают дефицит взаимного уважения – **взаимодействие с органами управления и государственной власти**. Респондентами отмечается хроническое невнимание чиновников к нуждам людей, нежелание считаться с их интересами, вникать в проблемы, уделять время. У многих складывается впечатление, что эти институты *“существуют сами для себя”, “люди для них мусор”, от них “отмахиваются, как от назойливых мух”, “занимаются только теми, с кого можно что-то взять”* (из коллекции интервью автора). Характерно, что общество платит управленцам и чиновникам той же монетой: по данным “Левада-Центра”, к числу самых *неуважаемых* профессий относятся политики (36%), чиновники (28%), полицейские (29%), судьи (17%) и работники прокуратуры (16%) [Общественное... 2012, с. 64], то есть именно те, кто олицетворяют государственную машину, безразличную к людям и не уважающую их достоинство. Это вновь подтверждает, что в условиях отсутствия культуры эгалитарного уважения проблематично не только установление стабильных и продуктивных взаимодействий на уровне “дальних” социальных связей, но и затрудняется формирование стабильных социальных институтов.

Можно с большей долей вероятности предположить, что именно трудности с налаживанием универсальных “дальних” социальных связей в современной России приводят к их постоянной подмене партикулярными “ближними”. Известно, что при решении жизненно важных проблем россияне предпочитают обращаться к родствен-

никам, близким знакомым, то есть пользоваться “блатом”, а не полагаться на формальные правила и институты.

Представляется, что причины дефицита эгалитарного уважения, неспособность уважать людей как равных себе по достоинству личностей, чьи интересы не менее легитимны, чем свои собственные, следует искать в социокультурных трансформациях последних десятилетий. По мнению опрошенных, хотя проявления дефицита взаимного уважения в повседневной жизни весьма разнообразны, его главная причина – “отсутствие общих ценностей”, “единой перспективы”, которая бы объединяла людей. В качестве другой причины называют сформировавшийся в крупных городах “культ престижа” и личного превосходства, одним из маркеров которого становится демонстративное поведение, выходящее за рамки общепринятых норм.

Прошедшие 20 лет реформ в России изменили повседневные отношения между людьми, и эти изменения наиболее существенно затронули те социальные группы, которые сильнее всего вовлечены в модернизацию, в первую очередь жителей мегаполисов. В них снизилось **качество** повседневных взаимодействий людей, что проявляется, в числе прочего, в дефиците взаимного уважения. В современном большом городе неизбежно сосуществование социальных групп, имеющих не только разные экономические, политические, символические статусы, но и разные ценности и представления о том, какие формы поведения, роли и личностные качества достойны уважения. Однако именно это и делает наиболее востребованным эгалитарное уважение – восприятие Другого как равную себе по достоинству, самоценную личность, с интересами которой необходимо считаться. Дефицит именно такой формы взаимного уважения затрудняет формирование дальних социальных связей и институтов современного общества в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Внебрачных Р.А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах // Вестник Удмуртского университета. Философия. Социология. Психология. Педагогика. Вып. 1. Ижевск, 2012.

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) (<http://top.rbc.ru/society/02/10/2007/121127.shtml>).

Готово ли Российское общество к модернизации? Аналитический доклад. М., 2010.

Двадцать лет реформ глазами россиян. Аналитический доклад. М., 2011.

Дилигенский Г.Г. Российские архетипы и современность // Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии. М., 1997.

Домострой. Юности честное зеркало. СПб., 2008.

Кравченко С.А. Динамика социологического воображения: всемирная культура инновационного мышления. М., 2010.

Левада-Центр (Аналитический центр Юрия Левады) (<http://www.rosbalt.ru/main/2012/10/05/1042829.html>).

Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007.

Мальцева Д.В., Романовский Н.В. О современных сетевых теориях в социологии // Социологические исследования. 2011. № 8.

Общественное мнение-2012. Ежегодник. М., 2012.

О чем мечтают россияне: идеал и реальность. М., 2013.

Психологи он-лайн (<http://maxpark.com/community/2494/content/826014>).

Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад. М., 2007.

Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для самого себя. М., 2004.

Штомпка П. Доверие – основа общества. М., 2012.

Superjob.ru: Работа, вакансии, поиск работы (<http://www.russedina.ru/articulation.php?aid=25614>).

Profi Online Research (<http://www.russianhome.com/forum/showthread.php?t=33930>).